

Сюжет былины о Ставре Годиновиче: ревизия исследовательских подходов

Яна И. Павлиди

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, augusta.pavliidi@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются исследования былины о Ставре Годиновиче: краткий обзор посвящен трудам представителей теории заимствований (В.В. Стасов, Г.Н. Потанин, А.Н. Веселовский, И.П. Созонович), более подробный – работам представителей исторического направления в эпосоведении. В частности – методы и гипотезы Вс.Ф. Миллера, Б.А. Рыбакова, В.Л. Янина и М.Н. Козлова. Исследователи соотносили с былинным героем персонажей из письменных источников: сотского Ставра из летописного известия 1118 г., воеводу Владимира Мономаха по имени Ставко Гордятич и сына новгородского мятежника Гюраты Роговича. Биография «исторического» Ставра и вместе с ним былинного героя с каждым исследованием и введением в научный оборот новых источников (берестяные грамоты, надписи-граффити в здании Софийского собора в Киеве) обростала фактами и деталями. Исследователи реконструировали практически все периоды жизни «исторического» Ставра: его молодые годы, родственные связи, взаимоотношения с представителями власти, переломные жизненные события и т. д. Для Ставра Годиновича, таким образом, создавались альтернативные былине реальности, в которых «историческим» становился не только он, но и другие эпические персонажи (Василиса Микулична), события и детали.

Ключевые слова: Ставр Годинович, Василиса Микулична, историческая школа, методология, эпосоведение, история идей, теория заимствований, новеллистический сюжет

Для цитирования: Павлиди Я.И. Сюжет былины о Ставре Годиновиче: ревизия исследовательских подходов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 6. С. 80–107. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-80-107

History of Stavr Godinovich's bylinas. Revision of research approaches

Yana I. Pavlidi

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
augusta.pavlidi@gmail.com*

Abstract. The article deals with the research of the Bylinas about Stavr Godinovich: a brief review is devoted to the works of the representatives of the theory of borrowings (V.V. Stasov, G.N. Potanin, A.N. Veselovsky, I.P. Sazonovich), more detailed - to the works of the representatives of the historical direction in epic studies. In particular, the methods and hypotheses of V.F. Miller, B.A. Rybakov, V.L. Yanin and M.N. Kozlov. The researchers correlated characters from written sources with the epic hero: the centurion Stavr from the annals of 1118, Vladimir Monomakh's voivode named Stavko Gordyatch and the son of the Novgorod rebel Gyurata Rogovich. The biography of the "historical" Stavko and together with him the epic hero with each research and introduction of new sources (birch bark letters, graffiti inscriptions in the building of the Sofia Cathedral in Kiev) grew with facts and details. Researchers reconstructed practically all periods of life of "historical" Stavr: his young years, family ties, relations with representatives of power, life-changing events, etc. Thus, alternative realities were created for Stavr Godinovich, in which not only he, but also other epic characters (Vasilisa Mikulichna), events and details became "historical".

Keywords: Stavr Godinovich, Vasilisa Mikulichna, historical school, methodology, epic studies, history of ideas, theory of borrowing, novelistic plot

For citation: Pavlidi, Ya.I. (2024), "History of Stavr Godinovich's bylinas. Revision of research approaches", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 80–107, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-80-107

В первой части статьи я рассматриваю общие вопросы, связанные с происхождением былины о Ставре Годиновиче и ее сказочно-новеллистическом характере, во второй – значимые исследования представителей теории заимствования (В.В. Стасов, Г.Н. Потанин, И.П. Созонович и отчасти А.Н. Веселовский). Третья часть посвящена разбору работ представителей исторической школы: тому, как происходила историческая реконструкция биографии былинного Ставра. Цель статьи – ревизия исследовательских стратегий

эпосоведов, которые обращались к изучению этого сюжета. В этом смысле написанное ниже соотносится прежде всего с историей идей Артура Лавджоя: если разделить рассматриваемые гипотезы на составляющие, так называемые идеи-единицы (unit-ideas), станет видно, что количество оригинальных идей может быть ограничено, а разнообразие выводов часто зависит не от самих элементов, а от их различных комбинаций [Lovejoy 2005]. Особенно это касается третьей части статьи: представители исторической школы видели в былинном герое Ставре Годиновиче разные личности, при этом методы и составляющие их гипотез часто пересекались.

Проблема сказочного происхождения былины

Сюжет былины о Ставре Годиновиче и Василисе Микуличне следующий: на пиру у князя Владимира хвастаются все гости, за исключением Ставра Годиновича¹ (умелого гусяря и знатного человека). Спровоцированный князем, он все же присоединяется к всеобщей похвальбе и хвастается различными богатствами и умной женой, способной обхитрить самого сюзерена. Князя Владимира это возмущает, он сажает героя в темницу. Жена Ставра, Василиса Микулична, узнает о его заточении, обрезает волосы, надевает мужские одежды, садится на коня и выезжает в Киев. В Киеве она представляется или грозным послом, наводящим страх на князя, или женихом, сватающимся к княжеской племяннице². Окружение Владимира подозревает, что приезжий гость – женщина, и тогда князь решает проверить Василису с помощью испытаний (стрельба из лука, борьба, баня и др.). Василиса Микулична справляется со всеми трудными задачами, и князь, убедившись, что перед ним «мужчина», либо устраивает свадьбу, либо пытается развлечь «его». «Жениха» или «посла» не устраивают местные гусяры, и тогда «он» просит привести Ставра Годиновича. Князь выполняет «его» просьбу: Василиса, увидев мужа, начинает иносказательно³ намекать ему, что перед ним она, но Ставр намеки не понимает. Тогда она раскрывает свой облик, князь признает, что потерпел поражение, и Василиса со Ставром возвращаются домой.

¹ Иногда героем хвастается сам.

² Об основных модификациях сюжета см. [Новиков 2009, с. 45–461].

³ «Помнишь ли, Ставер, памятуешь ли, / Как мы с тобой свайку поигрывали: / У тебя ль была свайка серебряная, / У меня ль колечко позолоченое, / И ты ко мне всегда-сегды, / А я к тебе тогда-сегды?» (Рыб. I, № 41, с. 250).

Самые ранние версии сюжета о Ставре и Василисе датированы XVII–XVIII вв. и опубликованы в сборнике «Былины в записях и пересказах» (БЗП). В комментариях к текстам исследователи отмечают, что так называемые истории аутентичны: первая «гистория» – это «подлинная былина с отдельными лишь прозаизмами», вторая «обнаруживает тесную связь с устной традицией» (БЗП, № 44–45, с. 296–298). Фольклорист Ю.А. Новиков, описывая географическое распространение этого эпического сюжета, писал, что наибольшее количество записей было сделано в Прионежье, а «в некоторых центрах активного бытования эпических песен эта старина либо вообще не обнаружена, либо сохранилась в виде фрагментарных, подчас дефектных текстов (Кенозеро, Поморье, Мезень, Кулой, Пинега, Поволжье)» [Новиков 2009, с. 455]. Исследователи выделяют две модификации сюжета, из которых наиболее древней версией былины считается так называемая богатырская, где Василиса выступает не в роли жениха для родственницы князя, а в роли грозного посла (см. более подробно: [Новиков 2009, с. 455–464]).

Одна из линий в изучении былины – дискуссия о ее сказочном происхождении и ее связях с новеллистической сказкой⁴ (В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, В.П. Аникин). Вопрос о том, какое жанровое оформление для этого сюжета было первоначальным – былина или сказка – в эпосоведении до сих пор остается открытым. Параллели со сказкой действительно имеются – сюжету былины соответствуют сюжеты новеллистических сказок № 880 и № 888⁵ [Петров 2018, с. 457–458].

Польский ученый Ю. Кржижановский, описывая перспективы изучения взаимоотношений былины и сказки, ставит два вопроса, которые, по его мнению, необходимо решить: 1) источники былины и 2) связь былины и мотива «Девушка-юноша»⁶ [Кржижановский

⁴ На новеллистичность сюжета обращали внимание и представители исторического направления в эпосоведении, например, Б.А. Рыбаков (см. ниже).

⁵ СУС № 880: «Жена выручает мужа: муж хвастается своей женой; посажен в тюрьму; жена передевается в мужское платье, сватается за царевну, убегает вместе с мужем». СУС № 888: «Жена вызволяет мужа: передевается в мужское платье, сватается к царевне, получает генеральский чин и в награду пленника-мужа». Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979. с. 221, 225.

⁶ «Среди народных сказок имеется сюжет, носящий в международной классификации наименование “Перемена пола”, а в польской передаче “Девушка-юноша” (“Dziewczyzna-chłopcem”)» [Кржижановский 1963, с. 56].

1963, с. 63]. Он пишет, что связь былины со сказкой «совершенно очевидна», а в качестве примера приводит близкий сказочный сюжет о девушке, которая выручает возлюбленного, переодевшись в солдата. Кржижановский отмечает, что «история Василисы развивается параллельно с действием» этих сказок [Кржижановский 1963, с. 63–64]. Предположения исследователя не ведут к ответу на главный вопрос об источниках былины, а лишь указывают на возможные пути решения этой дилеммы. О сюжете № 880, с которым сопоставляют былину, Ю. Кржижановский говорит, что он «вырос на почве старой песенной традиции, восходящей к XV в., а с XVII в. встречается в новелле и драме» [Кржижановский 1963, с. 64]. Далее он кратко описывает сюжеты песен о девушке-монахе⁷, также входивших в круг текстов, с которыми сопоставляется сюжет о Ставре, и заключает, что вопрос об источниках может быть решен, если исследователи определяют связь былины с песенной традицией. Но этот путь – не единственный. Исследователь пишет, в том числе, и о восточных сказках – со ссылкой на работы В.М. Жирмунского, мотивы из которых также могли попасть в былину. Сказать, какой именно была связь между былиной и сказкой в свете вопроса о происхождении сюжета, пока трудно, но в эпосоведении «Ставра Годиновича» принято относить к жанру былин-новелл (Астахова 1960, с. 637) или к жанровой модели новеллистической сказки [Петров 2008, с. 397].

Связь со сказкой проявляется и в описании исследователями героев былины, которых они наделяют дополнительными «сказочными» характеристиками и спорят об их «богатырских» чертах. Герои оцениваются прежде всего в связи с их воинскими и богатырскими качествами. Главным в этой дискуссии является вопрос: богатырка ли Василиса Микулична? Состязания в силе, в стрельбе из лука, традиционные для мужских персонажей русского эпоса, включаются в круг действий героини. Б.Н. Путилов считал богатырство Василисы Микуличны «ситуативной чертой», а ее образ – «позднейшей трансформацией» в сравнении с образом жены Дуная Настасьей [Путилов 1971, с. 87]. В.П. Аникин в богатырстве героини видел несоответствие сюжетной линии: если жена Ставра сильна, как киевские богатыри, то ее стремление разрешить ситуацию именно с помощью смекалки, а не с позиции силы, ломает логику сюжета [Аникин 1984, с. 205]. Ю.А. Новиков с этим утверждением

⁷ В этом варианте сюжета вместо грозного посла или солдата – монах. Основное отличие этого сюжета от представленных в том, что героиня спасает мужа 1) из плена султана или царя-иноверца; 2) с помощью игры на музыкальном инструменте (см. более подробно [Веселовский 1890]).

не соглашался и считал, что мотивация Василисы обхитрить князя и его окружение в былине очевидна и связана, прежде всего, с похвалой мужа, правдивость которой она и доказывает [Новиков 2009, с. 460–461].

Для исследователей оказываются важны личностные и моральные качества героев. А.Ф. Гильфердинг, описывая репертуар Прионежья, называет Ставра «бабьим» богатырем – «глупым мужем умнейшей и преданной женщины», и утверждает, что такой «типичский» портрет создают все сказители (Гильфердинг 1872, с. 96, 100–101). Б.Н. Путилов считает, что на фоне умной и остроумной Василисы Микуличны не только обведенный вокруг пальца князь Владимир кажется «ничтожным и смешным», но и ее муж Ставр Годинович [Путилов 1971, с. 245]. З.И. Власова писала о честности Василисы, не соглашающейся на предлагаемый мужем «воровской отъезд» из Киева после сцены узнавания [Власова 2001, с. 208].

Хитрость, ум, смекалка, честность – эти черты характерны для женских образов в новеллистической сказке, поэтому неудивительно, что былина, где в главной роли выступает Василиса Микулична, в версиях середины XVII в. обрамляется повестями нравоучительного характера: «Судя по всему, занесенный в рукописную книгу новеллистический сюжет попал в русло повестей об умных и хитрых женщинах, в круг городских занимательных повестей-новелл [Петров 2018, с. 459].

Восточные и южнославянские корни сюжета

Исследовали пытались понять не только связи русской былины со сказкой, но и то, какие восточные, западные или южнославянские сюжеты лежали в ее основе. Одну из самых категоричных и уверенных позиций занимал В.В. Стасов (Стасов 1868). Исследователь выдвигал гипотезу, построенную в духе ориентализма: сюжет об остроумной и сильной жене Ставра Годиновича, как и другие былинные сюжеты, был заимствован русскими с Востока. Основной метод работы В.В. Стасова – прямое сопоставление текстов с подробным рассмотрением некоторых, на его взгляд, любопытных деталей. Он сравнивает текст былины с эпической татарской песней «Алтаин Саин Суме»⁸, записанной на Алтае, и индийской «Махабхаратой». В этом ряду «Махабхарата» занимает место «оригинала», «Алтаин Саин Суме» – промежуточного звена и «оригинала» для былины,

⁸ И у В.В. Стасова, и у Г.Н. Потанина название песни и имя главного героя – «Алтаин-Саин-Салам».

а последняя, соответственно, позднейшей «копии» (Стасов 1868, с. 688–696). Почему былина имеет именно восточное происхождение, исследователь развернуто не обосновывает: тексты для сравнения им были взяты только восточные. Больше всего сходжений он находит между «поздними» текстами – былиной и татарской песней: в них обеих женщина переодевается в мужскую одежду. В текст-источнике («Махабхарата») этот мотив отсутствует, зато есть «главный мотив» – наказание героя в виде его свержения и последующее его спасение женщиной (Стасов 1868, с. 694–695).

В.В. Стасов видит параллели во всех трех текстах, сравнивая разные по сути мотивы. Так, Ставра Годиновича за похвальбу садят в «погреб глубокие»; Алтаин Саин Суме умирает, и сестра помещает его внутри скалы; Царь Яяти низвергнут с небес на землю из-за своего высокомерного поведения. Логика В.В. Стасова следующая: «погреб глубокие» приравниваются к каменным скалам, а последние, условно, к земле – как царь Яяти был свергнут «с вышины в глубину», так и Алтаин Саин Суме был свергнут в подземелье, в смерть, как и Ставр – из княжеской палаты в темницу (Стасов 1868, с. 695). Ставра Годиновича и царя Яяти наказывают из-за «расхваливаний на большом собрании» (Стасов 1868, с. 695). Актеры для В.В. Стасова взаимозаменяемы, главное в них – выполнение функции: человек при Ставре едет к его жене с вестью о заточении мужа – конь Алтаина Саин Суме торопится к его сестре с известием о смерти героя. Родственники также оказываются взаимозаменяемы: отец и дочь в «Махабхарате» в алтайской песне становятся сестрой и братом, а в русской былине – женой и мужем. Главными признаками «оригинального» текста, по мнению исследователя, служат логично выстроенный сюжет и наличие в нем причинно-следственных связей. В «поздней» русской былине сватовство Василисы Микуличны к родственнице князя ничем не заканчивается, слушателю и читателю неизвестно о том, что стало с невестой после всех событий. Иначе дело обстоит в «более ранней» алтайской песне, где сюжетная линия с невестами имеет продолжение: они воскрешают героя и не подозревают, что вместо него сваталась сестра. Текст, таким образом, обретает композиционную завершенность. «Древность» песне, считает В.В. Стасов, придает и количество жен: сестра героя по «азиатским обычаям» добывает двух невест, тогда как Василиса, уже в духе христианского времени, сватается только к одной (Стасов 1868, с. 693). Кроме того, сходство всех трех текстов между собой заключается и в том, что героя в беде выручает женщина – «силой подвижничества», хитростью и силой и т. д. (Стасов 1868, с. 295).

Исследователь Северной и Центральной Азии Г.Н. Потанин так же, как и В.В. Стасов, предполагал, что сюжет былины о Ставре

мог прийти с Востока, но сопоставлял его не с индийской «Махабхаратой», а с монгольской и тибетской версиями «Гэсэра». Песня сибирских татар о герое Алтаине Саин Суме тоже была привлечена им для исследования, но вместе с тем Г.Н. Потанин использует для сравнения и другие тексты: немецкую песню XVI в. о графе Александре из Майнца⁹, две бурятские сказки, записанные М.Н. Хангаловым, – «Гарьюлай-моргон» и «Алтан-сэсэк и его сестра»¹⁰, текст из «Верхоянского сборника» И.А. Худякова¹¹. Г.Н. Потанин, анализируя их как относительно единую группу текстов, обращает внимание на другие, в отличие от В.В. Стасова, детали. Для него важными становятся троекратность действий и родственные связи героев – все это служит критерием близкого сходства для сюжетов (Потанин 1891, с. 43–46).

Кроме собственно композиционного и сюжетного сопоставления текстов, Г.Н. Потанин в работе использует метод, который можно условно назвать «лингвистическим». Он разбирает редкую для былин форму имени Ставра – «Ставерха»¹², являющейся, по его мнению, наиболее архаичной. Разбор имени выглядит так:

⁹ В песне героиня узнает о пленении мужа царем-иноверцем и переодевается в монаха. Она выручает мужа с помощью игры на музыкальном инструменте: царю нравится ее игра, он хочет отблагодарить ее подарком; героиня выбирает пленника-мужа (Потанин 1891, с. 40). См. об этом более подробно (Веселовский 1890, с. 53–55).

¹⁰ Бурятские сказки и поверья, собранные Н.М. Хангаловым, О.Н. Зантопляевым и др. Иркутск: Тип. «Восточное обозрение», 1889. С. 32–61. (Записки Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. По отделению этнографии; т. 1, вып. 1)

¹¹ Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. Иркутск: Тип. К.И. Витковской, 1890. С. 110–112. (Записки Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. По отделению этнографии. Верхоянский сборник; т. 1, вып. 3)

¹² Эта форма имени Ставра упоминается в самой ранней версии «Михаила Даниловича» – «Гистории о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет»: «Тогда великий князь Владимир Всеславьевич киевской на Михаилу сына Даниловича разкручинился и велел ево посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую сорока сажен, где сидел Ставерха сын Годинович» (БЗП, № 28, с. 144). Вероятно, Г.Н. Потанин взял эту форму из сборника А.Н. Веселовского «Южно-русские былины», где эта гистория была опубликована впервые, в 1881 г. (см.: *Веселовский А.Н. Южно-русские былины, 1–2 // Сб. ОРЯС. Т. 22. № 2. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1881. С. 20–34).*

«С – тавер – ха», где:

«С» – «остаток от тюркской былинной формы “Ос” или “Ас”» в сложных именах (Потанин 1891, с. 47). Интересно, что подтверждением распространенности этого «остатка» для русских земель является название города Астрахани с формой «Ас» в начале (Потанин 1891, с. 47). «Ха» – усеченная форма слова «Хан». Если отбросить указанные элементы, в итоге получится слово «Тавер»/«Тавр» (Потанин 1891, с. 47). Эта форма, по его мнению, позволяет провести параллель не только с «Гэсэром», но и вообще с русским эпосом, в частности, с былинной о Добрыне и Маринке. Сходство между текстами Потанин усматривает не только в отношении фонетики имен, но и в том, в каком облике представлен персонаж: тав<e>р (в значении «бык») в былине о Ставре – тур в былине о Добрыне – осел в «Гэсэре»¹³. Из этого же предположения следует, что Ставр Гоудинович и Добрыня Никитич могут быть одним и тем же лицом, являющимся «отражением» героя Гэсэра (Потанин 1891, с. 47–48).

Другая возможность для сравнения текстов в рамках «лингвистической» стратегии исследования делается им также на основе фонетического созвучия. Исследователь берет вариант из сборника П.Н. Рыбникова, где Василиса представляется послом «земли Гленския»:

Околенки хрустальны поразсыпались,
Полагала она грамоту посыльную на золоть столь,
Называлась посломъ со славной земли Гленскія.
Туть она у князя у Владиміра
Посваталась на прекрасной дочери любимоей
(Рыб. I, № 41, с. 243).

Название «Гленские» сравнивается с топонимами и эпитетами из тибетских вариантов «Гэсэра»: «В тангутской¹⁴ версии, – пишет исследователь, – именем Глынг называется страна, в которой живет и владычествует Гесер; сам он в этой стране называется Глынг-Гэсэр-чжаву, т. е. «глынгский Гэсэр царь» <...> Если бы действительно подтвердилось, что Гленская, Галанская, Галацкая земля произошла от Глынга или Гланга, это значило бы, что на Русь заходили с востока и тибетские версии Гэсэра» (Потанин 1891, с. 48–49).

¹³ По сюжету Добрыня был превращен колдуньей Маринкой в тура, Гэсэр антагонистом (великаном, волшебником и др.) – в осла.

¹⁴ Тангутами Г.Н. Потанин называет тибетцев.

На примере работ Г.Н. Потанина и В.В. Стасова можно увидеть и то, как одни и те же сюжетные элементы могут по-разному интерпретироваться. Две невесты, взятые замуж по «азиатским традициям», в других вариантах и текстах – три невесты, способные воскресить героя с помощью троекратного действия; общая мотивация сватовства варьируется от «романтической» – «блага», подаренного «любящей сестрой» брату (Стасов 1868, с. 692–693), до функциональной – для воскрешения героя (Потанин 1891, с. 43–45). Расхождения в сюжете для одного исследователя – признаки «копий», изменения «источника» с течением времени, для другого – важные элементы для систематизации сравниваемых текстов и их более детального сопоставления. Так, вопрос о генетической связи былины с восточными памятниками решается Потаниным не только с помощью сравнения текстов и поисков в них близких параллелей, но и с помощью выявления маркеров «восточности»: в именах собственных и эпических локусах и эпитетах.

Теория заимствования в эпосоведении сменяется историческим направлением, которое затем перерастает в полноценную исследовательскую школу и отодвигает вопрос о заимствованных мотивах на второй план. Особенно ярко этот переход от одного направления к другому заметен в работе И.П. Созоновича.

Исследователь в работе «Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче» подходит к вопросу о происхождении сюжета сразу с двух позиций: в былине можно найти как заимствованные элементы, так и исторические (Созонович 1886). В начале раздела, посвященному былине о Ставре Годиновиче, он отмечает одно из главных положений работы, на которой в том числе строится его гипотеза: «Необходимо допустить независимое возникновение у различных народов простейших сюжетов, послуживших впоследствии почвой, на которой прикрепляется заимствованный со стороны мотив, связываемый какой-либо общей чертой с местной традицией» [Созонович 1886, с. 152]. Особое внимание И.П. Созонович уделяет бытовым чертам в рассматриваемых им текстах. А.Н. Веселовский в своей рецензии на работу И.П. Созоновича указывал на этот «бытовой или культурно-исторический метод» как чрезмерно им применяемый и не до конца обоснованный (Веселовский 1890, с. 29). В случае с былиной о Ставре «почва» для заимствования мотивов состояла из, во-первых, уже разработанного народным творчеством «типа воинственной женщины» – в песнях или сказках¹⁵ (Созонович 1886, с. 166); во-вторых, исторического

¹⁵ Здесь логика И.П. Созоновича следующая: исторические события и обстоятельства послужили толчком к созданию устного произведения

события, в центре которого был новгородский сотский Ставр (известие из первой Новгородской летописи)¹⁶. Тип «воинственной женщины» (в русской традиции – «поляницы воинственной»), по мнению исследователя, имел место в действительности, о чем, как пишет И.П. Созонович, свидетельствуют самые различные источники: заметки и описания византийских писателей и историков (Феофилакт Симокатта, Никита Хониат и др.), чешские предания и летописные известия (Козьма Пращский, Далимилова хроника), датская хроника Саксона Грамматика и многое другое. И.П. Созонович подробно останавливается именно на историко-бытовой стороне вопроса: практически любое упоминание воинственной и властной женщины привлекается им для обоснования возникновения типа воительницы в устной поэзии. Женщина в его работе – «главная хранительница народной поэзии», «свободная в своем положении» – как Ольга и Рогнеда, сильная – как новгородская девушка-чернавушка, спасающая другого былинного героя Василия Буслаева (Созонович 1886, с. 153–166). Последнее особенно интересно, потому что история с девушкой-чернавушкой становится своего рода промежуточным звеном в логической цепочке: воинственная женщина – новгородская сильная женщина – былинная Василиса Микулична. Образ умной и сильной Василисы, по мнению И.П. Созоновича, не мог появиться без описанных им исторических предпосылок. Возникновение былины он описывает как сложный процесс, который можно разбить на следующие составляющие:

1. Возникновение типа «поляницы воинственной», соединившего в себе локальные сказания и различные «новые элементы» (Созонович 1886, с. 168).

2. Закрепление за этим типом заимствованного сюжета о жене, спасающей/освобождающей своего мужа, с присоединившимся мотивом об испытании пола.

3. Соединение последних с сюжетом о Ставре, о котором, также гипотетически, могли быть сложены сказания в народной среде.

(песни, сказки, предания). Это произведение существует только *гипотетически*, о нем, как правило, ничего не известно, оно не дошло до собирателей. По такому же принципу были построены предположения Вс.Ф. Миллера, о работе которого речь пойдет ниже.

¹⁶ «Приведе Володимирь съ Мьстиславомъ вся боярѣ новгородчкыя къ Къеву, и заводи я къ честному кресту и пусти их домовъ, а иныя у себе остави; разгнѣвася на ты, оже ты грабилѣ Даньслава и Ноздрѣчу, и на сочькаго на Ставра, и заточи я вся» (НПЛ, с. 204–205).

Оригинальными чертами в былине о Ставре Годиновиче И.П. Созонович считает два общих места: пир и связанное с ним хвастовство героев. Далее, пишет он, былина повторяет содержание сербско-болгарских песен («Љуба хајдук-Вукосава» и др.) (Созонович 1886, с. 169). Былина, по мнению исследователя, соединила в себе два самостоятельных сюжета: о спасении мужа умной женой и о девушке-воине с мотивом испытания пола. Заимствованной у южных славян он считает вторую часть былины со сватовством, испытанием пола и дальнейшим узнаванием супругов. Локальным, русским преданием, возникшим на исторической основе, – первую часть с заключением героя и его освобождением сильной женщиной (Созонович 1886, с. 171).

А.Н. Веселовский, критикуя работу И.П. Созоновича, указывает на ее слабые места, связанные с методологией и литературой. Если последняя проблема понятна: исследователь использовал, по мнению А.Н. Веселовского, не все тексты, доступные ему, то с методологией несколько сложнее. Метод И.П. Созоновича, названный А.Н. Веселовским «бытовым или культурно-историческим», включает привлечение самых разных письменных источников. Это нужно ему для доказательства существования «особых исторических явлений», благодаря которым возник тип «воинственной женщины». Именно на этом он подробно останавливается, не заостряя внимания, например, на летописном известии о новгородском сотском Ставре. Он не сомневается в наличии связи между летописным героем и былинным, поскольку 1) и сотский Ставр, и Ставр Годинович были отправлены князем в темницу за проступок; 2) в спасении героя сильной Василисой Микуличной нет ничего удивительного, так как в устной поэзии существовал тип «воинственной женщины» (Созонович 1886, с. 156–157).

А.Н. Веселовский считал, что историко-бытовой подход превалирует над остальными, но к нему необходимо добавить исследование поэтических элементов жанра: «Песня меряется прежде всего песней: критикой вариантов до мелочей, образных выражений и общих мест» (Веселовский 1890, с. 30). Не останавливаясь подробно на всех критических замечаниях А.Н. Веселовского, укажем на еще одно. И.П. Созонович называет заимствованной у южных славян часть со сватовством, но в этих песнях, как пишет А.Н. Веселовский, мотива сватовства нет; а вот с первой частью, которую И.П. Созонович считал возникшей без внешнего влияния, у южнославянских песен, наоборот, параллели имеются (Веселовский 1890, с. 40).

Похожие, на первый взгляд, работы в духе теории заимствования на самом деле имеют принципиальные различия. Сопоставление текстов может быть совершенно разным: от поверхностного

анализа сюжетов (В.В. Стасов), сравнения их композиционных элементов (Г.Н. Потанин) до подробного анализа содержания, основанного на более широком материале (И.П. Созонович). Вспомогательные методы у исследователей также разные: В.В. Стасов к сопоставлению пытался привлечь «внетекстовые» данные («азиатские традиции»), Г.Н. Потанин использовал «лингвистический» метод (личные имена, топонимы), И.П. Созонович особое внимание уделял историко-бытовым данным из разных письменных памятников¹⁷. Выводы исследований во многом основаны на выборке материала и на его количестве (с учетом того, что в XIX в. далеко не все тексты были введены в научный оборот).

Эпос как часть истории: реконструкция биографии Ставра

Историческое направление в эпосоведении соединило ученых разных дисциплин: не только филологов и фольклористов, но и археологов, этнографов, историков, лингвистов. Определяющим для выявления историчности события или героя в эпосе оказывается наличие похожего имени или исторического факта в летописях.

Основная фигура, с которой первоначально сопоставляется и отождествляется былинный герой Ставр Гоудинович, у исследователей этого направления одна и та же – сотский Ставр из Новгородской первой летописи. Помимо явного сходства – имени

¹⁷ Композиционный и/или сюжетный анализ – базовые методы, основанные в данном случае на сходениях между рассматриваемыми текстами: внутри сюжета (спасение героя женщиной) и «над ним», с композиционной точки зрения (расположение мотивов). В «лингвистическом» методе, который можно отнести к «любительской этимологии», исследователи часто отталкиваются от фонетического сходства имен и различных топонимов (маркеры «восточности» у Г.Н. Потанина). Для подтверждения гипотезы учеными также привлекаются различные «внетекстовые» данные – ср. полигиния как аргумент в пользу древности текста у В.В. Стасова. «Бытовой или культурно-исторический» метод И.П. Созоновича построен на анализе различных письменных памятников, служащих исследователю в качестве исторических и около-исторических источников. На основании данных преданий, заметок писателей и путешественников, хроник и проч. делается вывод о существовании отдельно взятого явления (тип воинственной женщины), важного для обоснования предположения или целой гипотезы.

героя, важен факт заключения Ставра (и сотского, и былинного) под стражу по приказу князя Владимира (Мономаха). В качестве исторической аналогии факт из летописи использует один из первых публикаторов сборника Кирши Данилова К.Ф. Калайдович: «О сотском Ставре летопись княжения Владимиров не говорит ни слова; но Новгородская, гораздо позже, в 1118 г., упоминает о ссылке его за грабеж князьями Мстиславом и Владимиром. Сравните Ставра боярина у <Кирши> Данилова, и вы найдете одно и то же»¹⁸. В конце XIX в. наиболее развернутое сравнение привел Вс.Ф. Миллер. На момент написания «Очерков русской народной словесности» (1897) все выдвинутые гипотезы о происхождении былины в рамках теории заимствований он считал сомнительными, но поддерживал А.Н. Веселовского в поисках параллелей к былинному сюжету на Западе, особенно в отношении фабулы. По предположению Вс.Ф. Миллера, основа былины – новгородский исторический рассказ или локальная историческая песня, тогда как фабула могла быть заимствована из западных источников, в частности, из песни о римском графе (Миллер 1897, с. 275–277, 282). Былинный муж Василисы Микуличны – это сотский Ставр из Новгородской первой летописи. Отсутствие других упоминаний «исторического» Ставра в каких-либо источниках не является проблемой для исследователя: важным оказывается сам факт внесения имени в летопись. Связь между историческим прототипом и былинным героем, по мнению Вс.Ф. Миллера, заключается в том, что: 1) князь Владимир (былинный или Мономах) разгневался на Ставра; 2) героя заключают в темницу; 3) Ставр имеет высокий статус (в былине он боярин, в летописи – сотский). В пользу новгородского происхождения былины он приводит следующие аргументы:

1. Имя Ставра упоминается только в Новгородской первой летописи.

2. Былина распространена, в основном, в Олонецкой губернии¹⁹ – «районе новгородского культурного влияния». И, как пишет исследователь, была занесена в Сибирь²⁰ «из северных же губерний Европейской России» (Миллер 1897, с. 278).

¹⁸ См.: *Калайдович К.Ф.* Предисловие ко 2-му изданию 1818 г. // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Тип. А.А. Торлецкого и К°, 1878. С. XIV–XV.

¹⁹ Современные Петрозаводск, Пудож, Олонец, Повенец (Карелия), Вытегра (Вологодская область) и Лодейное Поле (Ленинградская область).

²⁰ Сибирь важна в контексте поиска версии былины, считавшейся наиболее архаичной. А.Н. Веселовский и Вс.Ф. Миллер самый древний

3. Лицо из летописи интересовало, прежде всего, новгородцев, соответственно, сложить песню или рассказ о нем могли именно они.

4. В былине о Ставре и Василисе «настоящие» богатыри отсутствуют. Для Вс.Ф. Миллера эта особенность – признак так называемого новгородского эпоса, в который также входят былины «Садко» и «Василий Буслаев».

5. У Ставра можно заметить «замашки купца», от героя веет «промышленным духом», он представлен типичным новгородским «торговым гостем» (Миллер 1897, с. 278–281).

Итак, основа былины – «рассказ или историческая песня» о сотском Ставре, имя которого зафиксировано в летописном известии. Причиной создания такого рассказа или такой исторической песни стал «крутой» поступок князя и последующая реакция новгородцев, выступающих против суда над ними в других городах. Кроме этого, между Новгородом и Киевом, по замечанию исследователя, отношения были сложные, поэтому изображение князя как злого или завистливого ему кажется естественным. «Переделка» предполагаемой исторической песни о сотском в былинную, по предположению Вс.Ф. Миллера, случилась «не позже XV века» (Миллер 1897, с. 281). В качестве подтверждения он приводит своеобразные черты и явления исторического времени, попавшие в былинную: страх перед послами Золотой Орды, нелюбимые черты бояр и др. (Миллер 1897, с. 281).

Метод прямого сопоставления текстов былин с летописями, безусловно, был одним из доминирующих в трудах представителей исторической школы. В дальнейшем с привлечением историками и археологами новых источников (помимо летописей) начинается полноценная реконструкция «исторической» биографии Ставра Годиновича. С письменными источниками сравниваются не только имена и события, но и второстепенные детали. В поисках дополнительной информации о личности Ставра исследователи (и «классической» формации исторической школы XIX–XX вв., и XXI в.) расширяют хронологические рамки и обращают внимание на то, что предшествовало летописному событию 1118 г., и на то, что было после него.

Б.А. Рыбаков в своей работе о Древней Руси относит текст о Ставре к «былинам-новеллам эпохи Владимира Мономаха» (Рыба-

вариант называли «сибирской». В XX в. В.П. Аникин подберет более подходящее название версии – «богатырская», а концепцию двух модификаций сюжета (в которых Василиса – жених или грозный посол) затем усовершенствует Ю.А. Новиков [Новиков 2009, с. 455–461].

ков 1963, с. 125). Он подчеркивает иной, в отличие от героического, характер повествования, в котором герои не занимаются решением важных государственных дел: «Слушая былины о Ставре Годиновиче, Дюке Степановиче, Чуриле Пленковиче, мы оказываемся в окружении рыцарственных вельмож и придворных дам. Они вовсе не собираются покинуть пирушественную палату ради службы на дальней заставушке, они любят цветным платьем, узорными пуговичками со звериным орнаментом, слушают вошедшую в обычай похвальбу богатством, «златом-серебром, скатным жемчугом», дорогим конем, молодой женой» (Рыбаков 1963, с. 125). Б.А. Рыбаков, как и Вс.Ф. Миллер, связывает былинку с летописным известием из Новгородской первой летописи, добавляя еще одну деталь: «Связь былины с летописным событием 1118 г. видна и в том, что Ставр обратил внимание на киевские городские укрепления – в Новгороде новая “ограда” была только что построена – в 1116 г.» (Рыбаков 1963, с. 126). Удивительно то, что для исследователей летописное известие 1118 г. идеально подошло на роль источника для сюжета былины: оно словно усиливает ее новеллистический и, соответственно, реалистический характер, подтверждая, что Ставр – не богатырь, а просто человек, имеющий высокий статус в обществе. Б.А. Рыбаков использует и другие аргументы для реконструкции биографии героя: и сотский, и былинный герой приезжают в Киев из Новгорода («Нове-города»²¹).

Для реконструкции биографии «исторического» Ставра к летописному известию из Новгородской первой летописи Б.А. Рыбаковым привлекаются дополнительные источники: «Поучение Владимира Мономаха», надписи-граффити в Софийском соборе в Киеве. В «Поучении» упомянут воевода по имени Ставко Гордятич²², о котором из этого текста известно, что он в 1069–1070 гг. сопровождал молодого Владимира на княжеский стол (Рыбаков

²¹ Былины Печоры и Зимнего берега: (Новые записи) / Изд. подгот. А.М. Астахова <и др.>. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. <Ленингр. отделение>, 1961. С. 111–113 (№ 27).

²² В «Поучении Владимира Мономаха» упоминается Ставко *Скордятич*. И.М. Ивакин, на которого ссылается Б.А. Рыбаков, считал, что на самом деле в тексте указан Гордятич. Отчество «Скордятич» И.М. Ивакину казалось странным в контексте Древней Руси. Сначала он предположил, что такое отчество вышло из-за его соединения с предлогом «с» и первоначально читалось как «с Кордятичем». Однако ни имя Кордыта, ни тем более имя Скордыта, не казались ему правдоподобными, тогда как имя Гордыта, напротив, в действительности существовало и было общеславянским (Ивакин 1901, с. 147).

1963, с. 127). Б.А. Рыбаков добавляет, что через 30 лет Владимир Мономах в автобиографии²³ написал об отправке Ставки Гордятича в Берестье вместе с князем Изяславом, и информация эта, по сути, играет для исследователя вспомогательную роль. Она фиксирует, что Ставка Гордятич на протяжении долгого времени вел активную деятельность, и его имя, вероятно, могло быть на слуху. Кроме перечисленного, привлекается также летописное сведение Никона о существовании двора Гордяты в «древней аристократической части Киева» (Рыбаков 1963, с. 127). Последние сведения Б.А. Рыбаков приводит в доказательство своего предположения о месте жительства Ставра, которым он считал не Новгород, как Вс.Ф. Миллер, а Киев. Это, по его мнению, доказывает и то обстоятельство, что в это время новгородская администрация назначалась князем, то есть Ставра на его должность выбрал именно князь. Исследователь также обращает внимание, что действия «новгородских» былин локально привязаны к Новгороду, а события былины о Ставре и Василисе разворачиваются в Киеве. То, что оба героя – сотский и былинный Ставр, приезжают в Киев из Новгорода, по мнению Б.А. Рыбакова, еще не говорит о том, что они оттуда родом.

Причина злости князя Владимира и последующего заточения Ставра – похвальба последнего. Развитие сюжета дает или похвальба богатствами, или конкретная похвальба женой, способной обмануть бояр и даже самого князя. В некоторых случаях исследователи более детально рассматривали мотивацию заточения героя. Этнограф Р.С. Липец пишет: «Ставер “похваляется” в первую очередь не роскошью убранства своего феодального двора-замка «на семи верстах», а тем, что тот “крепче города Киева” <...> Эта опасная похвальба, возможно, отчасти и привела в развитии сюжета к заточению Ставра, соединившись далее с общефольклорным мотивом о мудрой жене, выручающей мужа» [Липец 1969, с. 45–46]. Б.А. Рыбаков, анализируя заточение сотского, пишет, что гнев Владимира Мономаха мог быть вызван «злоупотреблением» Ставра своими должностными обязанностями, особенно после отъезда князя Мстислава из Новгорода (Рыбаков 1963, с. 127). Так, богатство становится первопричиной бед героя и в исторических источниках, и в былине. В конфликте князя с героем Вс.Ф. Миллер видел оппозицию «Киев – Новгород», из которой победителем выходит последний – благодаря умной и ловкой Василисе Микуличне. Б.А. Рыбаков этого противостояния и принижения князя в былине не видит и считает, что в былине князь и боярин художественно «уравниваются», что соответствует историческому

²³ Под «автобиографией» им подразумевается «Повесть временных лет».

контексту той эпохи: боярство во времена Владимира Мономаха постепенно накапливало силы и влияние (Рыбаков 1963, с. 129–130). Форма имени Ставко Гордятич, где отчество дано полностью, а имя – лишь в уменьшительной форме, для Б.А. Рыбакова служит доказательством его молодого возраста. Более того, Ставко был сыном знатного человека: его двор находился в Киеве и, что особенно важно – рядом с кафедральным собором и княжескими дворцами (Рыбаков 1963, с. 127). Когда имя «Ставко» в источниках сменяется на «Ставра», герой, следуя логике исследователя, является уже взрослым человеком.

Так, историческая биография героя начинает обростать новыми деталями. Ставр – знатный человек (сотский) из Киева; в молодости его звали Ставко, он был воеводой при Владимире Мономахе.

К летописному известию и указанным сведениям Б.А. Рыбаков добавляет еще один источник – надписи-граффити Софийского собора в Киеве. Это позволяет исследователю соединить Ставка Гордятича, сотского Ставра и былинного мужа Василисы Микучичны. Надписи-граффити, как отмечает Б.А. Рыбаков, были написаны почерком XI–XII вв. разными людьми. Содержание первой – мольба Ставра, «недостойного раба» к Господу, второй – уточнение, что первую запись сделал Ставр Городятинич (Рыбаков 1963, с. 128–129). Исследователь пишет, что вторая надпись была сделана киевлянином, это подтверждает написание отчества с «чь», а не «ць». Первая надпись-граффити, как он пишет далее, сделана самим Ставром, а вторая (уточняющая) может свидетельствовать о важности фигуры Ставра для киевлян. Интересна логика трансформаций отчества: из надписи-граффити видно, что отчество у Ставра не такое, как в «Поучении Владимира Мономаха», но Б.А. Рыбаков утверждает, что в «Поучении» оно дано сильно искаженным. Важно и то, что оба варианта в любом случае происходят от имени «Гордята» (Рыбаков 1963, с. 129). После этого он решает вопрос с дальнейшими изменениями: «Так как ударения в древнерусских отчествах часто ставились после коренного слова (например, Ольгович), то здесь наиболее вероятна форма «Гордѣтинич», которая вполне объясняет нам былинную – «Ставр Годинович» из действительной – «Ставр Гордѣтинич» (Рыбаков 1963, с. 129).

На этом свидетельства жизни «исторического» Ставра не заканчиваются. В рамках Новгородской экспедиции 2005 г. (Троицкий раскоп) под руководством историка и археолога В.Л. Янина была обнаружена берестяная грамота № 954, датируемая примерно 1120–1140 гг. Содержание грамоты следующее: «Грамота от Жирочка и от Тешка к Вдовину. Скажи Шильцу: «Зачем ты портишь чужих свиней? А писал(а) <это> из села Ноздрька. Ты осрамил

весь Людин конец: с того берега грамота. Она была про коней – что ты с ними то же сотворил»²⁴. Жирочка, пишет В.Л. Янин, уже был знаком исследователям берестяных грамот – он упомянут в грамоте № 851, Тешка²⁵ – в грамоте № 905; Вдовин в других грамотах не упоминается. Еще одно, на первый взгляд, знакомое имя из грамоты – Ноздрька²⁶, по предположению исследователя, дочь или жена Ноздрьчи, о котором известно сразу из нескольких летописных известий [Янин 2006, с. 228]. Не вдаваясь в подробности, связанные с личностью Шильца, обозначим общие выводы: 1) Шильца обвиняли в порче скота на обоих берегах Волхова²⁷; 2) такие обвинения порочили жителей Людиноного конца²⁸, а слухи об этом, как указано выше, распространяла родственница Ноздрьчи; 3) оклеветанные людинцы решают дать отпор Ноздрьче и разграбляют его усадьбу – вместе с усадьбой Даньслава²⁹ [Янин 2006, с. 227–229].

Причина заточения сотского Ставра в работе В.Л. Янина снова связывается с противостоянием Новгорода и Киева. После отъезда Мстислава из Новгорода стол передается его сыну Всеволоду, чью власть пытались ограничить новгородцы, что, в свою очередь, гневит киевского князя Владимира. К этому добавляется событие, произошедшее в тот же временной отрезок – ограбление людинцами усадеб Ноздрьчи и Даньслава. На основе этих данных ученый не делает прямых выводов, но указывает на общую связь между летописными

²⁴ Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/954/> (дата обращения 15 марта 2024). Перевод В.Л. Янина [Янин 2006] отличается от указанного, но суть остается прежней.

²⁵ В грамоте № 905 указан Тешада/Тешата: исследователь считает форму Тешка уменьшительной от этого полного имени. Локально грамоты № 851 и № 905 были найдены в одном и том же месте – усадьбе «Е» Троицкого раскопа [Янин 2006, с. 228].

²⁶ В грамоте Ноздрька – искаженное имя Ноздрька [Янин 2006, с. 228].

²⁷ Шильца портил, «пошибал» не только чужих свиней, но и, как предполагает В.Л. Янин, коней дружины князя Мстислава, в 1115 г. находившихся на другом берегу по отношению к жителям Людиноного конца [Янин 2006, с. 228–229].

²⁸ Района Новгорода, где происходили раскопки. Шильца, соответственно, был жителем Людиноного конца, поэтому обвинения в его сторону касались всех местных.

²⁹ Почему людинцы «защищали свою честь» именно таким способом, ученый не уточняет, хотя мотивация их поступка в свете его рассуждений понятна – так местные отомстили источнику сплетен в лице родственницы Ноздрьчи.

известиями и берестяными грамотами. Следуя его логике, можно предположить, что заточение Ставра связано с гневом князя Владимира на новгородцев, оспаривавших власть Всеволода, а разграбление усадеб стало формальным поводом для вызова бояр в Киев.

Некоторым особняком стоит «родственное» разыскание В.Л. Янина. В том же районе раскопок были найдены берестяные грамоты под номерами 902, 909 и 912, в которых говорится о сборе податей и других денежных вопросах. Адресат грамот – человек по имени Хотен, который мог быть, по предположению В.Л. Янина, мечником. Так как время найденных грамот – середина или конец XI в. и начало XII в., исследователь ставит вопрос: не приходится ли сотский Ставр сыном Хотена? Единственным возможным аргументом в пользу этого предположения приводится трансформация «х» на «г». Исследователь приравнивает Ставра *Годиновича* и Ивана *Годеновича*: «Расправа Владимира Мономаха над группой новгородских бояр во главе с соцким Ставром составила особый сюжет в циклах былин о Ставре Годиновиче и об Иванушке Годеновиче» [Янин 2006, с. 229]. Форма отчества Ивана – *Годенович*, встречающаяся также в былинах о Ставре, используется В.Л. Яниным для дальнейшего логического построения: 1) о трансформации «х» на «г» известно из былины о Хотене Блудовиче, где герой иногда называется *Горденом* Блудовичем; 2) подобная трансформация могла произойти и с отчеством Ставра – вместо формы «Годенович» могла быть, например, форма «Хотенович» [Янин 2006, с. 229], т. е. Хотен – Горден – Годенович – Годинович.

Историк М.Н. Козлов³⁰ рассматривал те же источники, что В.Л. Янин, за исключением берестяной грамоты № 613, где упоминается имя Ставра. «Первая половина XII в., – пишет М.Н. Козлов, – чрезвычайно важный этап в истории древнего Новгорода» [Козлов 2023, с. 37], в это время влияние боярства усиливалось,

³⁰ Не имея цели подходить к работам ученых критически, так как задача статьи в другом, отметим, тем не менее, некоторые несоответствия в работе К.М. Козлова. Исследователь пишет: «Майков Л.Н. первым предположил существование у былинного богатыря Ставра Годиновича исторического прототипа» [Козлов 2023, с. 38]. Это утверждение неверно, так как сопоставление Ставра Годиновича с новгородским сотским можно обнаружить уже в предисловии К.Ф. Калайдовича в сборнике Кириши Данилова. Также в статье дано, возможно, с опечаткой, написание отчества лица из надписи Софийского собора в Киеве – «Городянитич» (верное – *Городятинич*). Далее, на стр. 38 исследователь датирует берестяную грамоту № 613 первой половиной XII в., на стр. 41 датировка грамоты указана уже верная – первая половина XI в. [Козлов 2023, с. 38, 41].

а положение киевских князей в этом городе было нестабильным. Исследователь отмечает, что источники той эпохи не дают полноценной картины, поэтому единственный метод, позволяющий приблизиться к историческим реалиям Новгорода в XI–XII вв., – это реконструкция биографий деятелей того времени [Козлов 2023, с. 37]. Отождествление сотского и быллинного Ставра в работе аксиоматично, пересмотра и аргументации, по мнению М.Н. Козлова, требует связь между всеми «Ставрами». Гипотезы, высказанные предшественниками, исследователь находит сомнительными и предлагает свою версию причины, из-за которой сотский Ставр (= Ставр Гоудинович) был наказан князем. С мнением Б.А. Рыбакова о том, что во всех источниках («Поучении Владимира Мономаха», надписях-граффити Софийского собора, «Повести временных лет», Новгородской первой летописи) упомянуто одно и то же лицо, М.Н. Козлов не согласен:

1. Ставр из Новгородской первой летописи и Ставр из надписи-граффити Софийского собора – одно лицо, поскольку оба сведения относятся к первой половине XII в.

2. Ставр из Новгородской первой летописи и Ставко³¹ из «Поучения» Владимира Мономаха – разные люди. Причина заключается в возрасте: второму на момент 1118 г. должно быть около 72 лет и больше; о первом сотском можно сказать, что он был молодым человеком из знатной семьи [Козлов 2023, с. 38].

3. Близкую связь имеют Ставко Гордятич из «Поучения» и Ставр Городятинич из Софийского собора. В Древней Руси, как пишет М.Н. Козлов, в дружинном сословии существовала традиция называть потомков именами почивших предков, из чего он делает вывод, что Ставр Городятинич – потомок лица из «Поучения». Более того, Ставок (Ставко) – уменьшительная форма имени «Ставрос», а Гордятич или Городятинич – это не «сын Гордея» (И.М. Ивакин, Б.А. Рыбаков), а «сын Гордея». Так как оба имени имеют греческое происхождение, исследователь предполагает, что воевода Владимира Мономаха мог быть греком. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения выступает факт брака князя Всеволода Ярославича с представительницей византийской династии, в свите которой мог быть «Ставрос сын Гордея». Предположение о родстве «Ставров» в итоге выглядит так: Ставко-Ставрос (предок) – Ставр Городятинич (потомок 1) – сотский Ставр (потомок 2) [Козлов 2023, с. 39].

³¹ Написание имени у М.Н. Козлова отличается от написания Б.А. Рыбакова и И.М. Ивакина: вместо «Ставко Гордятич» – «Ставок Гордячич». В статье используется первая форма.

О предположении В.Л. Янина (родство сотского Ставра с Хотеном из берестяных грамот) исследователь пишет: «Отчество «Хотенович», действительно, схоже с отчеством фольклорного Ставра Годиновича, но в исторических источниках Ставр обычно называется «Гордяичем» или «Городянитичем», что указывает скорее на отчество «Гордеевич», чем «Ходотович». Характерно, что и в некоторых вариантах былины «О боярине Ставре» у главного героя отчество «Гордеевич» [Козлов 2023, с. 39]. Не совсем понятно, почему от имени «Хотен» М.Н. Козлов воспроизводит именно форму «Ходотович», а не, скажем, «Хотенович», по аналогии «сын Хотена».

Цель работы исследователя – выявить причину заточения сотского Ставра. И причина эта, по его мнению, заключается в конфликте сторонников Мстислава Владимировича со сторонниками Гюратовичей Роговичей:

1. Причиной вызова бояр в Киев могли стать жалобы Мстислава Владимировича. В 1117 г. он покидает Новгород; новгородские посадники (упомянуты Добрыня и Дмитр Завидец) и бояре (ограбленные Даньяслав и Ноздрьча), поддерживающие его, или гибнут, или подвергаются нападению. Событие 1115 г., описанное В.Л. Янином, интерпретируется не как порча скота или эпидемия, а как «целенаправленная диверсия» против Мстислава [Козлов 2023, с. 40].

2. Все важные административные должности заняли потомки новгородского посадника Гюрата Роговича, к «боярскому клану» которого мог примкнуть предшественник погибшего посадника Добрыни Микула [Козлов 2023, с. 40].

3. Надпись-мольба на стене Софийского собора в Киеве говорит о том, что Ставр действительно переживал за свою жизнь [Козлов 2023, с. 41].

Чтобы понять, почему из всех бояр под стражу был отправлен именно сотский Ставр, М.Н. Козлов уточняет его родословную. Если допустить, пишет исследователь, что имя Гюрата – это «сокращенный вариант имени Гордей»³², то становится ясно, что Ставр Годинович как сын мятежника и бывшего посадника Гюрата стал жертвой политических интриг. Разграбление усадеб – формальная причина вызова бояр как у М.Н. Козлова, так и у В.Л. Янина. «Настоящая» причина меняется в зависимости от прочтения контекста источников, к которым обращаются представители исторического

³² В варианте, где Гюрата – форма имени Григорий, которое в работе М.Н. Козлова также приведено, смысл в сокращении есть; в случае с Гюратай-Гордеем речь может идти только о другой форме имени, но никак не о сокращении.

направления: у Б.А. Рыбакова Ставр злоупотреблял возможностями своей должности, у В.Л. Янина гнев Владимира Мономаха был вызван, прежде всего, неприятием новгородцами власти Всеволода, у М.Н. Козлова Ставр стал «разменной монетой».

Исторический прототип неожиданно получает и Василиса Микулична, правда, он, по сути, такой же обезличенный, как у И.П. Созоновича³³. Итогом заключения Ставра, по М.Н. Козлову, должна была стать «денежная компенсация» пострадавшим от грабежа. Мотивация приезда Василисы, где она доказывает правоту мужа, сменяется на другую: ей нужно выплатить собранную в Новгороде компенсацию. При этом мотив спасения мужа, разумеется, остается неизменным.

Как правило, если для выбранного былинного элемента или фрагмента представители исторической школы находят письменное доказательство, претендующее на историчность, то эпический факт становится фактом истории. М.Н. Козлов, говоря об уникальности сочетания имен былинных супругов (Ставр Годинович и Василиса Микулична), выражает противоположную мысль: если такая пара более нигде не встречается, то это говорит о содержании в былине возможных «отголосков» исторических событий, которые нигде, кроме эпоса, не сохранились. Об имени Василисы он приводит такие суждения:

1. Имя Василисы было редким для XII в., а в берестяных грамотах не указано вовсе.

2. В некоторых вариантах былины вместо Василисы фигурирует Настасья, что может говорить о возможной замене сказителями первоначального древнего имени на другие, более знакомые.

3. Отчество Василисы может свидетельствовать о ее родственных отношениях с бывшим посадником и предположительно сторонником Гюраты Роговича – Микулой, о котором говорилось выше [Козлов 2023, с. 41].

Отсюда следует, что Ставр – не только сын Гюраты Роговича, но и зять одного из сторонников своего отца. В заключение исследователь пишет: «О том, что Ставр Годинович не погиб в плену, а смог вернуться в Новгород, свидетельствует текст берестяной грамоты № 613, относящейся к 30–50-м гг. XI в.» [Козлов 2023, с. 41]. Но здесь очевидна ошибка: заключение сотского, согласно первой Новгородской летописи, было в 1118 г., т. е. в XII в., следовательно, выбраться живым из него в XI в. он никак не мог.

³³ В исследовании И.П. Созоновича «исторична» не сама Василиса Микулична, а тип воинственной женщины, который имел место в реальной действительности.

На примере разобранных мною исследований видно, что представители исторического направления (к которым отчасти можно отнести и И.П. Созоновича) в эпосоведении использовали схожие методы, но приходили к разным заключениям. Здесь важно отметить, что ситуация с источниками совершенно понятна: тогда как Вс.Ф. Миллер для своего анализа располагал одним летописным известием 1118 г., у М.Н. Козлова для этой же цели в доступе было куда большее количество материала. Тем не менее выработался круг источников о Ставре, исследователи ориентировались, в том числе, на одни и те же сведения: летописное известие 1118 г. во всех работах было отправной точкой, кульминацией в биографии Ставра, все ученые в равной мере искали причину заточения сотского. При наличии некоторого выбора (Ставр из надписи-граффити, воевода Ставко Гордятич, новгородский сотский) все они решают соединить имеющиеся сведения, где упомянуто имя Ставра или похожее имя. Даже если исследователь не видит полного отождествления всех «Ставров», как это было в работе Б.А. Рыбакова, он соединяет их с помощью родственных отношений, – как в своей работе М.Н. Козлов. Методология исследователей также имеет сходства: естественно, все сопоставляют былинку, причем самые разные ее варианты, с письменными, историческими и материальными источниками. Через реконструкцию биографии сотского Ставра происходит реконструкция биографии былинного героя. Суммируя все данные, полученные исследователями в ходе анализа и сопоставления былины с разными историческими и письменными источниками, можно получить «исторический портрет» Ставра Годиновича:

1. Прототипы и их комбинации:

Новгородский сотский Ставр (Новгородская первая летопись);
Новгородский сотский Ставр (Новгородская первая летопись) + *воевода Ставко Гордятич* (Поучение Владимира Мономаха, «Повесть временных лет») + *Ставр Городятинич* (надписи стен Софийского собора, Киев);

Новгородский сотский Ставр (Новгородская первая летопись) + *Ставр Городятинич* (надписи стен Софийского собора, Киев).

2. Исторические события, связанные с личностью Ставра: сопровождение Владимира Мономаха на княжеский стол в Смоленске; выезд в Берестье с князем Изяславом; ограбление Даньслава и Ноздрьча, заточение князем Владимиром Мономахом. Дополнительно – создание надписи с мольбой на стене Софийского собора в Киеве.

3. Наделение характеристиками и биографическими подробностями: богатый боярин; родом из Новгорода/Киева, находится на

административной (сотский) или военной (воевода) должности, имеет «замашки купца» и принадлежит к знатной семье.

4. Родственные связи: потомок греческого воеводы Ставра; отец Ставра – мечник Хотен (былинный Хотен Блудович) или новгородский посадник и мятежник Гюраты Роговича; жена – дочь Микулы, сообщника Гюраты.

Одним из «вспомогательных» методов является условный «лингвистический» анализ, который можно отнести к «любительской этимологии». С помощью него исследователи решают вопрос об имени отца Ставра и, как следствие, реконструируют родословную героя. Важную роль в работах играют социальные и политические аспекты: конкурентные отношения Киева и Новгорода, взаимоотношения князей, бояр, посадников и сотских. Особенно это видно в работе В.Л. Янина, где внимание обращено не только на конфликт государственного уровня – ограничение власти князя новгородцами, но и на конфликт локальный – между самими новгородцами.

Так, для былинного героя Ставра Годиновича и отчасти для Василисы Микуличны исследователями конструируется сразу несколько разных «исторических» реальностей, в каждой из которых у него есть прототип со своей биографией.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article is a part of the RANEPА state assignment research programme.

Источники

Астахова 1938 – Астахова А.М. Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора / Записи, вступ. ст. и коммент. А.М. Астаховой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1–2. 656 с.

БЗП – Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв. / Подгот. А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипиль. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 320 с.

- Веселовский 1890 – *Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 268. СПб.: Тип. В.С. Балашева. 1890. С. 1–55.
- Гильфердинг 1872 – *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсо-ды // Вестник Европы. 1872. Кн. 3. Т. 2. С. 82–130.
- Ивакин 1901 – *Ивакин И.М.* Князь Владимир Мономах и его поучение: Ч. 1. М.: Унив. тип., 1901. 326 с.
- Миллер 1897 – *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности: В 3 т. Т. 3: Былины. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. 351 с.
- НПЛ – Повесть временных лет: В 2 ч. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 404 с.
- Потанин 1891 – *Потанин Г.Н.* Ставр Годинович и Гэсэр // Этнографическое обозрение. 1891. № 3. С. 40–49.
- Рыб. I – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 1: Народные былины, старины и побывальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861. 521 с.
- Рыбаков 1963 – *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд. АН СССР, 1963. 361 с.
- Созонович 1886 – *Созонович И.П.* Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче: Исслед. по истории развития слав.-рус. эпоса И. Созоновича. Варшава: Тип. М. Земкевича, 1886. 173 с.
- Стасов 1868 – *Стасов В.В.* Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. Кн. 2. С. 637–708.

Литература

- Аникин 1984 – *Аникин В.П.* Былины: Метод. выяснения ист. хронологии вариантов. М.: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
- Власова 2001 – *Власова З.И.* Скоморохи и фольклор / Науч. ред. С.Н. Азбелев. СПб.: Алетейя, 2001. 522 с.
- Козлов 2023 – *Козлов М.Н.* За что наказали Ставра Годиновича // Культурное наследие России. 2023. № 2. С. 37–42.
- Кржижановский 1963 – *Кржижановский Ю.* Девушка-юноша (к истории мотива «перемена пола») // Русский фольклор: Народная поэзия славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 8. С. 56–66.
- Липец 1969 – *Липец Р.С.* Эпос и древняя Русь. М.: Наука, 1969. 302 с.
- Новиков 2009 – *Новиков Ю.А.* Динамика эпического канона: Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского педагогического ун-та, 2009. 516 с.
- Петров 2008 – *Петров Н.В.* Богатыри на Русском Севере: Сюжеты и ареалы бытования. М., 2008. 464 с.

- Петров 2018 – *Петров Н.В.* «Гистории» о богатырях русского эпоса // Памятники книжного эпоса Запада и Востока / Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров; сост. указ. С.С. Макаров. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 436–468.
- Путилов 1971 – *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
- Янин 2006 – *Янин В.Л.* Новгородская берестяная почта 2005 г. // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 3. С. 227–230.
- Lovejoy 2005 – *Lovejoy A.O.* The great chain of being. A study of the history of an idea. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 382 p.

References

- Anikin, V.P. (1984), *Byliny: Metod vyjasneniya istoricheskoi khronologii variantov* [Bylinas: Method for the elucidation of the historical chronology of variants]. Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Vlasova, Z.I. (2001), *Skomorokhi i fol'klor* [Buffoons and folklore], Aletejya, Saint Petersburg, Russia.
- Kozlov, M.N. (2023), “What Stavr Godinovich was punished for”, *Kul'turnoe nasledie Rossii*, no. 2, pp. 37–42.
- Krzhizhanovskii, Yu. (1963), “Girl-youth (to the history of the ‘sex change’ motif)”, in *Russkii fol'klor: Narodnaya poeziya slavyan* [Russian folklore: Folk poetry of the Slavs], iss. 8, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 56–66.
- Lovejoy, A.O. (2005), *The great chain of being. A study of the history of an idea*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Lipets, R.S. (1969), *Epos i drevnyaya Rus'* [Epic and Ancient Russia], Nauka, Moscow, USSR.
- Novikov, Yu.A. (2009), *Dinamika ehpicheskogo kanona: Iz tekstologicheskikh nablyudenii nad bylinami* [Dynamics of the epic canon. From textual observations on byliny], Izdatel'stvo Vil'nyusskogo pedagogicheskogo universiteta. Vilnius, Lithuania.
- Petrov, N.V. (2008), *Bogatyrri na Russkom Severe. Syuzhety i arealy bytovaniya* [Bogatyrri in the Russian North: Plots and Areas of Existence]. Moscow, Russia.
- Petrov, N.V. (2018), “‘Gistorii’ about the bogatyrri of the Russian epic”, in Neklyudov, S. Yu. and Petrov, N.V., *Pamyatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka* [Bogatyrri in the Russian North: Plots and areas of existence], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Putilov, B.N. (1971), *Russkii i yuzhnoslavyanskii geroicheskii epос: Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie* [The Russian and South Slavic heroic epic: A comparative typological study], Nauka, Moscow, USSR.
- Yanin, V.L. (2006), “Novgorodian birchbark mail 2005”, *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 76, no. 3, pp. 227–230.

Информация об авторе

Яна И. Павлиди, аспирантка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; augusta.pavlidi@gmail.com

Information about the author

Yana I. Pavlidi, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; augusta.pavlidi@gmail.com